

Н.В. Потапова

Право на истину: заказное убийство

18+

Н.В. Потапова

**Право на истину:
заказное убийство**

«Автор»

2026

Потапова Н.

Право на истину: заказное убийство / Н. Потапова — «Автор», 2026

Следственное бюро «Вечерний чай» — это не официальная контора, а посиделки трех подруг. Бывший следователь Елена, владелица ателье Марина и филолог Анна берутся за дела, которые другие считают безнадежными. Когда за убийство бизнесмена задерживают его жену, следствие видит лишь банальный мотив. Но подруги замечают детали, скрытые от мужских глаз. Вооруженные дедукцией, интуицией и пейджером, они бросают вызов криминальному миру 2000-х.

© Потапова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Утро Елены	6
Клиент и новость	9
СИЗО: Ирина	12
Посиделки с подругами	15
Встреча с Казанцевым	19
Светлана (Секретарша)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Н.В. Потапова

Право на истину: заказное убийство

Детективный роман: Право на истину

Утро Елены

Октябрьское утро вползало в город нехотя, словно старый поезд на запасной путь. Серое, промозглое, пропитанное запахом жженой листвы и сырости от реки. Елена поежилась, поглубже пряча подбородок в воротник кожаного плаща, и в очередной раз с силой дернула неподатливую ручку своей «Нивы». Замок, как всегда по осени, капризничал.

— Ну давай же, старушка, не сегодня, — пробормотала она, дыша на замерзшие пальцы.

Ключ со скрежетом провернулся. Дверь поддалась с жалобным скрипом, выпустив наружу застоявшийся запах бензина, дешевого ароматизатора «елочка» и старого, еще советского кожзаменителя. Елена тяжело опустилась на водительское сиденье. В свои тридцать девять она иногда чувствовала себя как ее старая «Нива» — такой же потрепанной виражами, но все еще упорно отказывающейся отправляться на свалку.

Она вставила ключ в замок зажигания, выжала сцепление и повернула. «Нива» закашлялась, чихнула и, наконец, затарахтела, мелко вибрируя всем кузовом. Елена улыбнулась уголками губ. В этом был какой-то свой, особенный уют. Пока бывшие коллеги по прокуратуре пересаживались на подержанные иномарки или, если позволяла совесть и должность, на черные «Волги» с тонированными стеклами, она оставалась верна своему внедорожнику. В нем не было лоска, зато была честность.

Печка медленно начала гнать теплый воздух. Елена стянула кожаную перчатку с правой руки и провела ладонью по запотевшему лобовому стеклу, оставляя мутный полукруг. Двор, заставленный машинами так плотно, что не проехала бы и скорая, постепенно оживал. Дворник в ярко-оранжевой жилетке лениво мел мокрый асфальт, у подъездов кучковались спешащие на работу соседи.

На пассажирском сиденье пискнул зуммер. Пейджер. Маленькая черная коробочка, пристегнутая к ремешку сумки. Елена бросила взгляд на экран, подсвеченный зеленоватым светом.

«Лена, нужно поговорить. Зайди в администрацию. Это в твоих интересах. А.»

Она на мгновение прикрыла глаза. Александр. Прошло уже бог знает сколько лет, а он все еще считал, что может вызывать ее вот так, короткими безапелляционными сообщениями. «В твоих интересах». В его лексиконе эта фраза всегда означала ровно обратное: это было нужно ему. Его карьере. Его начальству.

Включив поворотник, она выкрутила тяжелый руль и выехала со двора на проспект Ленина. Город образца двухтысячного года представлял собой странную, плохо склеенную эклектику. Монументальные сталинские фасады соседствовали с кричащими неоновыми вывесками видеосалонов и казино. На остановках толпились люди в серых куртках, ожидая дребезжащие, холодные трамваи, а мимо них с глухим рыком пролетали вишневые «девятки» и тяжеловесные «шестисотые» мерседесы с тонировкой «хамелеон». Времена изменились, но люди остались прежними. Только ставки выросли.

Елена остановилась на светофоре. Мимо проехал свадебный кортеж, сигналив на все лады. Ей вдруг вспомнился другой октябрь, десять лет назад. Тогда она еще верила, что можно совмещать блестящую карьеру старшего следователя и простое женское счастье. Александр тогда только начинал свой путь вверх в министерстве юстиции. Он был умным, амбициозным, чертовски обаятельным. И он был рядом.

До того самого дня.

Память услужливо подкинула картинку: больничная палата, белые стены, запах хлорки и корвалола. Пустота внутри, там, где должна была зародиться новая жизнь. Выкидыш. И диагноз врача, прозвучавший как приговор: детей не будет. Елена тогда нуждалась в нем как никогда. Но у Александра на носу было важное дело — повышение, перевод, какие-то кулуарные

игры. Он пришел только на третий день, с дежурным букетом хризантем, пряча глаза и бормоча что-то о том, что «время лечит» и «бог дал — бог взял».

А через месяц он попросил ее закрыть глаза на парочку процессуальных нарушений в деле сына одного уважаемого человека. «Лена, это же пустяк. Пыль. А нам с тобой это откроет такие двери...»

Она не закрывала. Ни глаза, ни дело. Александр ушел, хлопнув дверью. А еще через полгода Елена положила на стол начальника рапорт об увольнении по собственному желанию. Оставила прокуратуру, не желая больше играть по правилам, где истина продавалась по сходной цене. Стала адвокатом. И теперь бралась за дела, от которых открещивались уважаемые коллеги из дорогих контор.

Зеленый свет. «Нива» дернулась и поехала дальше.

Елена помотала головой, отгоняя воспоминания. Прошное должно оставаться в прошлом. Хотя Александр никак не желал там оставаться. Ныне влиятельный чиновник от юстиции, он периодически возникал на горизонте, предлагая нелепые «компромиссы». Ему была нужна ее безупречная репутация непредвзятого и честного адвоката, чтобы легитимизировать какие-то свои сомнительные схемы. Но где-то в самом глубоком, потаенном уголке ее души, все еще теплилась жалкая, как замерзшая птица, воробышья надежда. Надежда на то, что он изменился. Надежда на второй шанс. И Елена ненавидела себя за эту слабость.

Она свернула в переулок, где располагался ее скромный офис. Старое дореволюционное здание с толстыми кирпичными стенами и узкими лестницами. Аренда здесь стоила копейки, зато соседями были сапожная мастерская и общество филателистов.

Припарковавшись двумя колесами на тротуаре — иначе было просто не встать, — Елена заглушила мотор. Тишина салона на мгновение оглушила. Она поправила зеркало заднего вида. На нее смотрела женщина с внимательными, чуть усталыми серыми глазами, резкими скулами и упрямой линией губ. Волосы, небрежно собранные в узел на затылке, выбились несколькими прядями.

— Никаких администраций, Саша, — тихо сказала она своему отражению. — Иди к черту.

Выбравшись из машины, Елена поежилась от порыва пронизывающего ветра с реки. Опустевший с вечера желудок недовольно буркнул. Она направилась к ярко-красному коммерческому киоску на углу, ошестинившемуся решетками.

— Доброе утро, тетя Валя, — обратилась она к заспанному лицу продавщицы в окошке. — Как обычно.

— Привет, Леночка. Держи, — продавщица высунула из окошка пластиковый стаканчик коричневого цвета, от которого шел жидкий пар. Растворимый "Нескафе", залитый кипятком из термоса, с тремя ложками сахара. На вкус это напоминало жженые желуди, но Елена привыкла. Этот горячий, приторный напиток был единственным стабильным началом ее адвокатских будней.

Она сделала обжигающий глоток, чувствуя, как тепло разливается по пищеводу. Октябрь в этом городе всегда пробирал до костей.

Подходя к обшарпанной деревянной двери подъезда, она заметила у крыльца мужскую фигуру. Молодой парень, лет двадцати пяти, переминался с ноги на ногу, кутаясь в дорожную, но явно не по погоде тонкую кожаную куртку. Он нервно курил, бросая взгляды на табличку "Адвокат Крылова Е.В."

Елена наметанным глазом оценила «клиента». Хорошая обувь — итальянская, испачканная в осенней грязи. Нервный тик, бегающий взгляд, бледность. Ногти обкусаны. Человек не просто испуган, он в панике. И деньги у него водятся, судя по одежде.

— Доброе утро, — Елена приблизилась, выбросив пустой пластиковый стаканчик в урну. — Кого-то ждете?

Парень вздрогнул, выронив сигарету на мокрый асфальт, и быстро придавил ее мыском дорогого ботинка.

— Вы... Елена Николаевна Крылова? — голос его дрогнул, дав петуха.

— Допустим, — она достала связку ключей из кармана плаща, звякнув ими в утренней тишине. — В чем дело, молодой человек?

— Мой отец... — парень сглотнул, словно ему не хватало воздуха. — Его убили. Сегодня ночью. А мою мать задержали. Ей нужен адвокат. Вы... мне сказали, вы беретесь за такое.

Елена остановилась, вставила ключ в замочную скважину. Ветер швырнул ей под ноги горсть желтых листьев. День перестал быть обычным.

— Проходите, — коротко бросила она, справившись с замком и распахивая тяжелую дверь. — Рассказывайте.

Сцена первая была сыграна. Занавес поднялся, открывая мрачные декорации нового дела. Елена чувствовала это кожей — запах большой крови и застарелой лжи, который не мог перебить даже крепкий аромат осенней сырости.

Клиент и новость

Осеннее солнце с трудом пробивалось сквозь немытое окно кабинета Елены. Старенький факс в углу издал предсмертный хрип, выплюнул наполовину зажеванный лист термобумаги и затих. Елена Крылова бросила взгляд на черный прямоугольник пейджера, сиротливо лежавший рядом со стопкой уголовного кодекса в редакции девяносто шестого года. Тишина. Впрочем, для адвоката, берущегося за дела, от которых безразлично открещиваются все остальные, тишина — это нормальное состояние.

— Проходите, присаживайтесь, — Елена кивнула на расшатанный стул для посетителей, обтянутый потертым кожаным чехлом. — Сложные случаи — это мой профиль. А безнадежные — мое хобби. Слушаю вас.

Молодой человек опустился на стул так тяжело, словно у него разом отказали ноги. Пылинки, танцующие в луче света, беспокойно заметались вокруг него.

— Меня зовут Антон Волков, — глухо произнес он.

Елена чуть прищурилась. Фамилия была слишком на слуху в последние два дня. Весь областной центр гудел, обсуждая новости.

— Сын Михаила Волкова? Владельца крупной строительной компании?

Антон кивнул, нервно сцепив пальцы так, что побелели костяшки.

— Отца убили. Вчера. Но вы, наверное, уже знаете... По всем каналам, в газетах — только об этом и говорят.

— Я предпочитаю узнавать факты не из криминальной хроники вечернего выпуска, Антон, — Елена откинулась на спинку кресла, ее голос звучал спокойно и отрезвляюще. — Журналисты любят кровь, а я люблю логику. Рассказывайте с самого начала. И в подробностях.

Антон сглотнул, собираясь с мыслями.

— Мама... Ирина. Она нашла его утром в кабинете. У нас большой дом за городом. Она зашла туда, а он... — парень зажмурился, словно пытаясь прогнать кровавую картинку с сетчатки глаза. — В общем, кто-то вызвал милицию. Не знаю кто. Может, соседи услышали крик, может, прислуга позвонила. Когда приехал наряд, мама была там. В кабинете. Она склонилась над ним, вся в... В его крови. Она в шоке была, кричала следователям, что просто нашла его таким. А эти... они даже слушать не стали! Увидели ее в крови над трупом и сразу забрали в изолятор. Обвиняют ее. Говорят, взяли с поличным.

— Классика жанра, — пробормотала Елена, барабанив пальцами по столешнице. — Жена над трупом, орудие убийства, наверное, где-то рядом, руки по локоть в уликах. Но послушайте, если у вас такой статус и дом за городом, наверняка есть серьезная охрана? Видеонаблюдение по периметру?

— В том-то и дело! — Антон подался вперед, в его красных глазах блеснул гнев. — Камеры были отключены! Все до единой, понимаете? Следователь считает, что это мама их выключила, чтобы скрыть следы! Но разве мама стала бы отключать систему безопасности, чтобы убить отца в собственном доме и остаться сидеть над ним до приезда ментов? Это же полнейший абсурд!

Елена взяла со стола дешевую шариковую ручку и начала медленно вращать ее между пальцами.

— Согласна. Для спонтанного убийства в состоянии аффекта — слишком продумано с камерами. А для хладнокровно спланированного — невероятно глупо оставаться на месте преступления, перемазавшись в крови. У вас есть подозреваемые? Только честно, Антон. Кому реально мешал ваш отец?

— Казанцеву, — выпалил парень без тени сомнений, словно только и ждал этого вопроса. — Сергей Казанцев. Его партнер по бизнесу. Они вместе эту строительную фирму поднимали с девяностых.

— Мотив? — коротко бросила Елена, делая первую пометку в блокноте.

— Деньги. Огромные деньги. В последнее время они сильно ругались из-за какого-то нового жилого комплекса. Казанцев... он же из этих, из «бывших», — Антон презрительно скривился. — Малиновый пиджак и золотую цепь сменил на строгий костюм от Армани, а замашки бандитские остались. Ему бы только урвать, кинуть, отжать. Отец хотел вести дела цивилизованно, а Казанцев привык по старинке.

— Допустим, — Елена кивнула. — Но ведь следствие не могло обойти вниманием компаньона убитого. Его допрашивали?

— Да. И знаете, что эта мразь заявила? Что его там вообще не было! — Антон ударил кулаком по своему колену. — Только вот соседи видели его машину — тонированный «шестисотый». И мама говорила, что он заезжал к отцу вечером накануне убийства. Когда следователь прижал его показаниями соседей, Казанцев вдруг переобулся! Сказал, мол, да, заезжал вечером, мы поругались, но я уехал, когда Волков был еще жив. А соврал изначально, потому что якобы испугался, что на него повесят «мокруху»! И следователь ему поверил!

— Поверил, потому что у него уже есть идеальная подозреваемая в крови на месте преступления, — резюмировала Елена, чувствуя, как внутри просыпается старый, хорошо знакомый охотничий азарт. — А Казанцев — влиятельный бизнесмен с очень хорошими связями и, вероятно, толстым кошельком. Зачем следователю копать глубоко, ссориться с уважаемыми людьми, если дело кажется кристально ясным и само идет в руки?

Она внимательно посмотрела на Антона. Парень не врал, по крайней мере, в главном. Он искренне верил в невиновность матери. Но в его рассказе зияла дыра. Не хватало детали, которая связывает такие дела в тугой узел.

— Антон, — голос Елены стал мягче, но взгляд остался холодным и цепким, сканирующим собеседника насквозь. — Если следствие так легко поверило Казанцеву и мертвой хваткой вцепилось в вашу мать, значит, у них был на то железобетонный повод. И я сейчас говорю не про кровь на руках. Был мотив. Какой?

Парень заметно напрягся. Отвел взгляд в сторону, разглядывая потертый линолеум на полу. Его пальцы снова затеребили край дорогого кашемира.

— Скажите мне правду, Антон, — Елена положила ручку, сцепила пальцы в замок и подалась вперед. — Иначе я не смогу вам помочь. Как жили ваши родители в последнее время?

Повисла тяжелая, густая пауза. Слышно было только, как за окном недовольно гудит проезжающий по проспекту дребезжащий трамвай.

— Плохо они жили, — наконец глухо, словно через силу, произнес Антон. — Очень плохо. Они постоянно ссорились. Скандалы каждый день. Отец был... очень жестким, властным человеком. Мама устала. В последнее время дело шло к разводу. Отец кричал, угрожал, что наймет лучших адвокатов и оставит ее ни с чем, выбросит на улицу без копейки.

— Вот он, мотив, — констатировала Елена без капли осуждения. — Развод, тяжелый раздел имущества, постоянные конфликты. Следователь складывает два и два, получает четыре. Жена в отчаянии, муж грозит оставить ее ни с чем. Очередная ссора, под руку попадает тяжелый предмет, удар. Идеальная картина для победного рапорта начальству.

Антон вскинул голову, в глазах стояли слезы отчаяния.

— Но она не убивала! Вы должны мне поверить! Вы же сами сказали, что беретесь за безнадежные дела! Мама мухи не обидит, она в тот вечер вообще хотела уехать к своей подруге, чтобы не видеть его, но осталась только из-за визита Казанцева — боялась, что они с отцом поубивают друг друга.

— Я вам верю, Антон, — ровным, успокаивающим тоном ответила Елена. — Но моего доверия катастрофически мало, чтобы вытащить Ирину из следственного изолятора. Нам нужны факты. И если Казанцев действительно причастен к этому, он наверняка оставил следы. Такие люди всегда считают себя умнее всех, и именно на этом прокальваются.

Она встала из-за стола, подошла к окну и с усилием приоткрыла заедающую створку, выпуская в застоявшийся коридорный дух здания свежий, колкий осенний воздух. Внизу, у шерба-того тротуара, блестела крышей ее верная, выдавшая виды темно-зеленая «Нива».

— Значит так, — Елена резко повернулась к Антону, и в ее голосе вдруг зазвучал тот самый непоколебимый металл, который когда-то заставлял поживаться матерых рецидивистов на ее допросах. — Я беру ваше дело. Но мне понадобится ваша активная помощь.

Парень мгновенно подскочил со стула.

— Все что угодно! Я заплачу любые деньги, только скажите...

— Деньги потом, по тарифу, — сухо оборвала она. — Сейчас мне нужны документы. Пока следственная группа не перевернула ваш дом вверх дном во второй раз в поисках дополнительных доказательств маминой вины, вы должны найти всё, что может пролить свет на коммерческие дела вашего отца. Черновики договоров, старые записные книжки, ежедневники, распечатки с пейджера, дискеты — если они есть. Любые неофициальные бумаги, где может быть зафиксирован конфликт с Казанцевым, двойная бухгалтерия или скрытые активы.

— Но кабинет отца опечатали следователи... туда нельзя заходить.

— А вы думаете, опытные бизнесмены уровня вашего отца хранят все важные яйца в одной корзине, то есть в своем кабинете? — Елена иронично усмехнулась. — Ищите в спальне, между страницами старых книг в библиотеке, на чердаке. Вспомните, не передавал ли он матери какие-то закрытые конверты на сохранение со словами «спрячь и никому не показывай». Мне нужна любая зацепка, даже самая безумная.

Антон решительно кивнул, его спина выпрямилась. У него появилась цель, и это на мгновение вывело его из ступора.

— Я понял. Я перерою весь дом. Я найду всё, что смогу.

— Только очень аккуратно. Не сорвите милицейские печати на кабинете, нам не нужны лишние проблемы с законом, — предупредила Елена, провожая его к выходу. — Жду вас завтра с уловом. И держите связь, если что-то случится непредвиденное.

Когда за Антоном закрылась обшарпанная дверь, Елена подошла к столу, задумчиво посмотрела на пустую кружку и достала из нижнего ящика стола толстую общую тетрадь в клеточку. На первой чистой странице она крупно, с нажимом вывела синей пастой: «Волков. Строительство. Казанцев».

Дело обещало быть грязным, как осенняя распутица на окраинах, и запутанным, как телефонные провода на городской АТС. Самое время навестить старых подруг в ателье. Без аналитического консилиума «Вечернего чая» тут точно не обойтись.

СИЗО: Ирина

Октябрьский ветер гонял по асфальту пожухлую листву, швыряя ее под колеса припаркованной у высокого серого забора «Нивы». Следственный изолятор встречал редких посетителей привычным букетом: запахом казенной хлорки, кислых щей и застарелой тоски, въевшейся в облупленные стены комнаты для свиданий. Елена Крылова сидела за столом, разделенным надвое мутным, покрытым сеткой мелких царапин оргстеклом, и методично перелистывала пустые страницы блокнота. Ожидание затягивалось. В коридоре эхом отдавались гулкие шаги конвоиров и металлический лязг ключей.

Наконец, в замке провернулся ключ. Дверь со стороны блока для заключенных с тяжелым скрипом открылась, и в сопровождении молодого, хмурого конвойного вошла женщина.

Елена, за годы работы в следствии, а затем в адвокатуре, привыкла ожидать в этих стенах кого угодно: сломленную внезапным горем вдову, бьющуюся в истерике дамочку на грани нервного срыва или тихую, забитую жертву многолетнего домашнего насилия, сорвавшуюся в один страшный миг. Но перед ней предстала настоящая Снежная Королева. Ирине Волковой было сорок пять, и даже здесь, в месте, стирающем человеческую индивидуальность быстрее крупной наждачной бумаги, она умудрялась выглядеть так, словно пришла на неприятное, но необходимое светское мероприятие.

На ней был строгий темно-синий брючный костюм — тот самый, в котором ее, видимо, и забрали из загородного дома. Он изрядно помялся на казенных нарах, но все равно сидел безупречно. Спина идеально прямая, словно проглотила аршин. Подбородок вздернут. Взгляд — холодный, оценивающий и слегка высокомерный, ни намек на страх или растерянность.

Ирина подошла к разделительной перегородке, брезгливо оглядела привинченный к полу железный табурет, достала из кармана носовой платок, протерла сиденье и только после этого аккуратно опустилась на него. Одернула пиджак и сложила руки на коленях.

— Елена Крылова, полагаю? — ее голос звучал ровно, без намека на дрожь, словно она заказывала кофе в дорогом ресторане, а не общалась с адвокатом в тюрьме. — Антон сказал, что Вы придете. Мой сын иногда бывает чересчур... инициативным. И совершенно не умеет слушать.

— Здравствуйте, Ирина, — Елена говорила через решетку переговорного устройства, встроенного в стекло. Динамик слегка фонил. — Ваш сын очень переживает за вас. И, судя по тому, по какую сторону решетки мы с вами сейчас находимся, его инициативность — это единственное, что пока работает в ваших интересах.

Ирина Волкова едва заметно поморщилась, словно уловила неприятный запах. Она изящным движением поправила волосы — идеальное каре, которое даже после ночи в переполненной камере лежало так, словно над ним только что колдовал мастер в дорогом салоне.

— В моих интересах сейчас — найти способ передать сюда нормальный увлажняющий крем, расческу и зеркало, — сухо произнесла она, разглядывая свои ногти. — Здешняя вода невыносимо сушит кожу, а у меня на завтра была запись к косметологу. Придется отменять. И помада... я ненавижу, когда контур плывет, а поправить совершенно нечем. И эта еда. Неужели в государственном бюджете не предусмотрено ничего, кроме переваренной каши со вкусом картона?

Елена на секунду лишилась дара речи. Перед ней сидела женщина, обвиняемая в жестоким убийстве собственного мужа, которой грозил срок вплоть до пятнадцати лет лишения свободы в колонии общего режима. А ее волновал поплывший контур губ и качество тюремной баланды.

— Ирина, — Елена подалась вперед, опираясь локтями о столешницу, ее тон стал жестче и профессиональнее. — Оставим косметолога и диетическое питание на потом. Вас обвиняют

в убийстве Михаила Волкова. Ваш муж мертв. Следователь Громов уже шьет дело белыми нитками и готовится передать его прокурору. Давайте поговорим о фактах. Вы отказываетесь от государственного защитника, это я знаю из материалов. Но вы отказываетесь и от моей помощи? Почему?

— Я отказываюсь от суеты, — отрезала Ирина. В ее серых глазах сверкнула холодная сталь. — Я привыкла контролировать свою жизнь. Всегда и во всем. И то, что происходит сейчас — это досадное недоразумение, которое разрешится само собой, когда эти идиоты в погонах поймут, что совершили ошибку. Мне не нужна защита, потому что я ни от кого не собираюсь защищаться. И обвинять никого не буду. Это ниже моего достоинства — оправдываться перед людьми, которые даже не удосужились надеть бахилы в моем доме.

— Контроль — это очень приятная иллюзия, Ирина, особенно когда вы сидите по ту сторону оргстекла, — Елена постучала дешевой ручкой по перегородке, привлекая внимание. — Вы не контролируете ситуацию. Вы находитесь в СИЗО. Вас нашли рядом с окровавленным трупом мужа.

— Я уже все сказала вашему Громову! — Ирину впервые прорвало на живые эмоции, голос сорвался на высоких нотах, но она тут же взяла себя в руки, глубоко вдохнула и снова надела ледяную маску. — Я пришла в кабинет утром. Михаил лежал на ковре. Я бросилась к нему, пыталась проверить пульс на шее, испачкала руки и одежду. Кто-то, видимо, из прислуги, уже успел вызвать милицию. Они ворвались с оружием и даже не стали разбираться. Следователь предпочитает не верить мне. Почему? Потому что ему так выгодно! Ему выгодно обвинить меня. Зачем искать настоящего преступника, когда я сижу прямо там, испачканная в крови? Это самый простой и легкий вариант для системы! Галочка в отчетности!

— Хорошо. Это логика следователя, я ее понимаю, — Елена кивнула. — Но вы же понимаете, что для суда нужен внятный мотив? Следователь говорит, что вы были на грани развода. Что муж собирался оставить вас ни с чем, и вы решились на крайний шаг. К тому же, в доме были отключены камеры видеонаблюдения. Кто их отключил?

Ирина усмехнулась. Это была горькая, полная презрения усмешка, обнажающая истинное отношение к убитому супругу.

— Мой муж был сложным человеком. Авторитарным. Деспотичным. Жить с ним последние годы было испытанием. Но я никогда не позволила бы себе опуститься до банальной поножовщины, или удара пепельницей по голове, или что там у них в протоколе осмотра? Если бы я хотела от него избавиться, я бы наняла лучших корпоративных юристов в Москве и оставила ни с чем его самого. Что касается камер — Михаил сам их часто отключал. У него были... свои дела и встречи, которые он не хотел фиксировать. Я не лезла в это.

— Его партнер по бизнесу, Казанцев... — начала Елена, делая пометку в блокноте: «камеры выключал сам убитый».

— Я не буду обсуждать грязные дела моего мужа и его компаньонов, — Ирина властно подняла руку, прерывая адвоката. Жест был таким уверенным, что Елена невольно замолчала. — Это не моя забота. Я требую от вас только одного: чтобы меня оставили в покое и позволили привести себя в порядок. Передайте Антону, чтобы не лез в это дело и не тратил деньги на адвокатов. Я сама со всем справлюсь.

Елена захлопнула блокнот. Спорить было абсолютно бесполезно. Перед ней сидела женщина, намертво застрявшая в своей привычной реальности, привыкшая диктовать свои условия окружающему миру, и до сих пор не осознающая, что этот жестокий мир уже начал ее пережевывать. Педантичная, упрямая, непробиваемо гордая. Она явно недоговаривала, что-то старательно скрывала за своей толстой броней из высокомерия. Может быть, она кого-то покрывала? Своего сына? Казанцева? Кого-то еще, чье имя пока не всплыло?

Но одно Елена знала теперь совершенно точно, опираясь на свой многолетний опыт допросов: убийцы так себя не ведут. Настоящие виновники либо бьются в показной истерике,

пытаясь изобразить вселенское горе, либо судорожно плетут хитрую сеть лжи, выгораживая себя, пытаясь понравиться адвокату. Ирина не делала ни того, ни другого. Она просто ждала, уверенная, что этот грязный, дурно срежиссированный спектакль скоро закончится, потому что он банально оскорбляет ее эстетические чувства.

— Я передам Антону ваши слова, — Елена медленно поднялась со стула. — Но дело я не брошу. Вы невиновны, Ирина. И я это докажу, даже если вы будете активно мне в этом сопротивляться.

Ирина Волкова посмотрела на нее сквозь мутное стекло долгим, нечитаемым взглядом. На какую-то долю секунды в ее холодных серых глазах промелькнуло что-то похожее на облегчение или благодарность, но она тут же отвернулась к дверям.

— Время вышло. Уведите меня в камеру, — скомандовала она конвойному тоном, которым обычно приказывала личному шоферу подать машину.

Елена вышла из тяжелых металлических дверей изолятора на серую улицу. Резкий осенний ветер тут же забрался под воротник кожаного плаща, принося терпкий запах прелой листвы и близкой сырости. Она подошла к своей старенькой темно-зеленой «Ниве», стряхнула с лобового стекла прилипший мокрый кленовый лист. Интуиция — тот самый внутренний компас, который почти никогда ее не подводил ни в годы блестящей работы следователем, ни сейчас — просто кричала о том, что в вопросе убийства Михаила Ирина кристально чиста перед законом. Но она по уши увязла в чьей-то чужой, большой и очень грязной игре.

Елена села за руль и повернула ключ зажигания. Двигатель недовольно чихнул, фыркнул и ровно заурчал, согревая салон. В груди нарастало приятное, забытое чувство азарта. Ей до дрожи в пальцах не терпелось обсудить всё это с Анной и Мариной. Этот запутанный клубок семейных тайн, больших денег и чужого снобизма нужно было срочно разложить по полочкам за чашечкой ароматного, обжигающе крепкого чая. Негласное следственное бюро «Вечерний чай» можно было считать официально открытым.

Посиделки с подругами

Октябрьские сумерки опускались на город быстро и неумолимо, словно кто-то невидимый торопливо задерживал на небе тяжелые бархатные портьеры. В окнах небольшого, но известного в узких кругах ателье на первом этаже фундаментального сталинского дома горел теплый, манящий свет. За стеклом, среди изящных манекенов, задрапированных в дорогие импортные ткани, висела табличка «Закрыто». Но для своих двери этого убежища были открыты в любое время дня и ночи.

Переступив порог, Елена с наслаждением вдохнула знакомый до боли запах: смесь свежесваренного крепкого индийского чая со слонем на упаковке, едва уловимого аромата машинного масла от старенького, но надежного «Зингера» и дорогих, терпких французских духов хозяйки.

Марина Вересова, тридцатисемилетняя владелица ателье, легко порхала вокруг небольшого круглого столика, расставляя изящные фарфоровые чашки с тонкой позолоченной каемкой. Ее собственные наряды всегда были произведением искусства — сегодня это было летящее платье насыщенного изумрудного цвета, подчеркивающее ее невероятную интуитивную грацию и живую, подвижную мимику. Марина, как истинный творец, замечала абсолютно всё: неровный шов на рукаве пиджака, скрытую тревогу в бегающих глазах клиента, нервно дрожащие пальцы собеседника. Для нее мир состоял из фактур, полутонов и обнаженных эмоций.

— Леночка, Боже мой, ты выглядишь так, словно в одиночку разгружала вагоны с цементом на товарной станции, — всплеснула руками Марина, ставя перед Еленой чашку, от которой поднимался густой пар. — У тебя опять этот жуткий, землистый цвет лица! И воротник плаща затерт до безобразия. Снимай немедленно, я завтра же с утра отдам его в химчистку своим девочкам!

— Оставь ее плащ в покое, Мариш, ему уже ничто не поможет, — раздался спокойный, глубокий, почти театральный голос из глубины мягкого кресла. Анна Лебедева, сорокадвухлетняя преподавательница филологии местного университета, отложила в сторону толстую тетрадь с очередным безграмотным студенческим сочинением и привычным жестом сняла очки в тяжелой роговой оправе. — Как гениально писал Лев Николаевич Толстой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Судя по Лениному потухшему взгляду, она сегодня с головой погружалась в пучину чьего-то чужого, очень глубокого и грязного несчастья.

Анна была абсолютной, диаметральной противоположностью Марины. Строгая, рациональная, всегда внутренне собранная. Она видела окружающий мир как сложносочиненный, многоуровневый текст, в котором каждое событие имело свою обязательную завязку, кульминацию и абсолютно логичный, вытекающий из предпосылок финал. Если Марина безошибочно чувствовала эмоции и настроения, то Анна препарировала голые факты с безжалостной точностью опытного хирурга, частенько используя цитаты классиков русской литературы в качестве острого скальпеля.

— Ты, как всегда, зришь в корень, Аня, — Елена с благодарностью обхватила обжигающе горячую чашку своими озябшими на осеннем ветру пальцами. Чай приятно согревал изнутри. — Я взяла новое дело. Михаил Волков. Владелец крупной строительной компании. Тот самый, об убийстве которого последние пару дней истошно гудят все областные газеты и телеканалы.

Марина театрально охнула и прижала ухоженные ладони к щекам.

— Тот самый бизнесмен, которого собственная жена зарезала в особняке? Кошмар какой! Я же эту самую Ирину Волкову лично знаю, она у меня пару раз шила костюмы на заказ.

Заносчивая до ужаса, каждый миллиметр вымеряла, все нервы мне вымотала. И чтобы ее муж вот так... в луже крови на собственном ковре?

— Во-первых, не зарезала, — профессионально сухо поправила Елена, делая первый большой глоток терпкого напитка. — Причина смерти — сильный удар тяжелым тупым предметом по голове. А во-вторых, именно потому, что я видела эту Ирину сегодня днем в камере СИЗО, я и взялась за дело. Она никого не убивала.

— С чего ты взяла такую уверенность? — Анна заинтересованно подалась вперед, подпирая острый подбородок рукой. — Женская интуиция? Или у тебя есть реальные факты?

— И то, и другое, в равных пропорциях, — Елена горько усмехнулась, вспоминая немилый, ледяной взгляд своей новой подзащитной. — Представьте себе картину: сидит женщина, которой в ближайшей перспективе светит до пятнадцати лет колонии общего режима. А она на полном серьезе жалуется на то, что тюремная вода сушит ей кожу, контур дорогой помады поплыл, а хамы-следователи во время обыска не удосужились надеть бахилы прежде чем ступить на ее персидский ковер. Гордая, педантичная до зубовного скрежета. Требует передать ей увлажняющий крем, а не толкового государственного защитника. Настоящая Снежная Королева во плоти. Убийцы, особенно непрофессионалы, действующие в состоянии внезапного аффекта, так себя никогда не ведут.

— О, это классика защитной реакции психики, — протянула Марина, изящно нарезая свежий домашний лимонный кекс. — Когда реальность вокруг становится слишком страшной, мозг инстинктивно цепляется за привычные, понятные мелочи. За помаду, за расческу, за маникюр. Я видела нечто подобное у невест, которым женихи изменяли прямо накануне свадьбы: они рыдали навзрыд не из-за разрушенной жизни и предательства, а из-за того, что фата в такси помялась! Но почему ты решила ее защищать, Лен? Ты же обычно не лезешь в очевидные дела, где еще и клиент упрямо отпирается от твоей помощи.

Елена надолго замолчала, неотрывно глядя на свое искаженное отражение в темной, дрожащей глади остывающего чая.

— Потому что я отчетливо вижу, как бездушная система прямо сейчас перемалывает человека, — наконец тихо, но очень твердо произнесла она. — Этому следователю, Громову, жизненно выгодно обвинить именно ее. Она — идеальная подозреваемая из учебника по криминалистике: жена найдена на месте преступления, перепачканная в крови жертвы, камеры видеонаблюдения в доме были предусмотрительно отключены. Громову совершенно не нужны настоящие убийцы, ему нужна быстро закрытая «палка» в отчетности, чтобы получить премию и звездочку на погоны. И когда я смотрела на Ирину там, за грязной решеткой... я вспомнила себя.

В уютном ателье повисла тяжелая, звенящая тишина. И Марина, и Анна слишком хорошо помнили тот страшный период в жизни подруги. Время, когда старший следователь Елена Крылова — настоящая звезда управления, блестящий аналитик с безупречной, кристальной репутацией — пошла против системы. Она наотрез отказалась закрывать глаза на нужные высокому начальству факты, отказалась послушно заматывать под ковер чужую грязь. И карательная система выплюнула ее, словно сломанный, ненужный винтик, безжалостно растоптав все ее идеалы о справедливости. А человек, которому она тогда верила больше всего на свете — Александр — предал ее в самый трудный момент, трусливо выбрав успешную карьеру чиновника от юстиции и личное удобство.

— «Безумству храбрых поем мы славу», — негромко, с печальной улыбкой процитировала Анна Максима Горького, нарушив гнетущее молчание. — Леночка, мы с Мариной гордимся тобой, правда. Мы восхищаемся твоей смелостью. Но ты ведь играешь с огнем. Твой абсолютно бескомпромиссный характер тебя однажды погубит. Ты каждый раз прешь на амбразуру с голыми руками, забывая о себе.

— Аня абсолютно права, — Марина нервно поправила невидимую складку на идеальной льняной скатерти. — Ты же прекрасно понимаешь, какие люди сейчас замешаны в крупном строительном бизнесе? Там крутятся сумасшедшие, огромные деньги. Там бандитские разборки из девяностых еще никуда не ушли, они просто надели галстуки! А ты едешь на своей разваливающейся старой «Ниве» и ходишь по темным подворотням с одним пейджером в кармане плаща. Если эту Волкову так грамотно подставили, то подставили очень серьезные люди. Ты не боишься, что они и тебя... устранят?

— Бояться глупо, это контрпродуктивно, — Елена отмахнулась, хотя где-то глубоко внутри признавала правоту подруг. Времена были лихие. — Давайте лучше поговорим о деле. У нас в уравнении есть идеальный подозреваемый. Сергей Казанцев. Бизнес-партнер убитого.

— Это тот, с толстой золотой цепью в палец толщиной и тонированным «шестисотым» Мерседесом? — Марина брезгливо сморщила свой аккуратный носик. — Он буквально пару месяцев назад заходил ко мне в ателье, хотел заказать вызывающий костюм для своей новой, молоденькой «секретарши». Типичный «новый русский» браток, только малиновый пиджак на итальянский костюм сменил. У него глаза абсолютно пустые, холодные, хищные. Таким убить человека — что назойливую муху прихлопнуть, даже не поморщатся.

— Вот именно, Мариш, — кивнула Елена, чувствуя, как пазл начинает складываться. — Сын Волковых, Антон, утверждает, что у его отца с Казанцевым был затяжной и серьезный конфликт из-за денег и какого-то крупного нового объекта. К тому же, Казанцев лично приезжал к Волкову в загородный дом в вечер убийства. Сначала он нагло врал милиции, что его там в тот день вообще не было. Но когда следователь припер его к стенке, и соседи подтвердили, что видели его приметную машину у ворот, он быстро «переобулся»: мол, да, приезжал, мы крепко поругались, но я уехал, когда Волков был еще жив и здоров.

— Ну вот и всё! — Марина победно хлопнула в ладоши, чуть не опрокинув чашку. — Казанцев убил своего партнера из-за барышей, а на гордую и неприятную Ирину все ловко свалил! И камеры видеонаблюдения он мог легко отключить, он же бизнес-партнер, компаньон, наверняка знал пароли или как там вся эта техника работает.

— Подожди, Мариш, не делай поспешных выводов, — Анна Лебедева сняла очки и принялась тщательно протирать их специальной бархатной салфеткой. Это был ее давний, фирменный жест, означавший, что филолог на полную мощность включает свой аналитический аппарат. — Казанцев, безусловно, опасный мерзавец, и финансовый мотив у него налицо. Но давайте попробуем прочесть текст этой ситуации с совершенно другой стороны. Лена, ты сама говоришь, что Ирина — стопроцентный контрол-фрик. Женщина, которая держит в стальных ежовых рукавицах себя, свой внешний вид, свое окружение и весь свой дом.

— Да, она именно такая, железная леди, — подтвердила Елена. — И что из этого следует?

— А то, — Анна водрузила очки на нос и посмотрела на подруг поверх толстых стекол с выражением университетского профессора. — Как гениально писал Достоевский: «Человек есть тайна». Не кажется ли вам парадоксальным и крайне странным, что женщина, привыкшая жестко контролировать каждый чих прислуги в своем доме, вдруг оказывается совершенно не в курсе того факта, что важнейшие камеры видеонаблюдения отключены? Более того, сын упомянул, что в семье были постоянные скандалы и дело неумолимо шло к тяжелому разводу.

— И убитый Волков не раз грозился нанять адвокатов и оставить ее ни с чем, на улице, — добавила Елена, внезапно чувствуя, как внутри зарождается неприятный, отрезвляющий холодок сомнения. Разум сыщика начал подавлять эмоциональную эмпатию.

— Вот! Элементарная логика! — Анна торжествующе подняла вверх указательный палец. — Рационально рассуждая: при разводе она теряла абсолютно все, свой статус, или получала какие-то жалкие отступные копейки. А вот в статусе безутешной вдовы убитого бизнесмена она по закону получает сто процентов состояния, весь бизнес, недвижимость, счета. Как

ни крути, а сто процентов всегда лучше, чем ноль или пятьдесят после мучительной дележки. Мотив налицо.

Марина задумчиво откусила маленький кусочек лимонного кекса, ее глаза блеснули.

— Знаешь, Лена, а ведь Аня может быть абсолютно права. Когда эта Ирина приходила ко мне на примерку, она прямо при мне по телефону кому-то такие жесткие, безапелляционные указания раздавала, что у меня мурашки по коже бежали размером со слона. Она не просто «жена богатого мужа», сидящая дома. Она — настоящая акула. А акула никогда не сидит сложа плавники, когда у нее хотят забрать ее сытный обед.

— Вы хотите сказать, что она могла сама... — Елена нахмурилась, прокручивая в голове образ женщины из СИЗО.

— Я хочу сказать, — мягко, но настойчиво перебила Анна, — что даже если Ирина Волкова не наносила этот смертельный удар своими маникюренными руками, она вполне могла об этом знать заранее. Или сознательно позволить этому случиться, не вмешавшись. Или даже нанять кого-то, того же Казанцева. Нельзя просто так сбрасывать со счетов ее прямую выгоду. Она слишком умна и хитра, чтобы просто «найти труп» и покорно позволить посадить себя в тюрьму. Возможно, то, что она сейчас сидит в СИЗО — это просто часть ее продуманного плана. Алиби. Или же она кого-то яростно прикрывает своим молчанием.

— Кого? Собственного сына Антона? — предположила Елена.

— «Всё смешалось в доме Облонских», — тяжело вздохнула Анна, закрывая свою тетрадь. — Тебе нужно копать гораздо глубже, Леночка. Казанцев в роли убийцы — это слишком очевидный, слишком простой ответ. Это плоская метафора, лежащая на самой поверхности. Как хороший читатель, ищи скрытый подтекст.

Елена допила в один глоток свой остывший чай. Горячий, искренний спор с подругами всегда помогал ей проветрить голову и посмотреть на дело под совершенно другим углом. Да, гордая Ирина в грязном СИЗО вызвала у нее глубокое сочувствие как жертва безжалостной милицейской машины, но Анна была чертовски права — сбрасывать со счетов очевидный материальный мотив Ирины было грубой, непрофессиональной ошибкой.

За окнами ателье окончательно стемнело. Октябрьский ветер злобно бросал в стекла мелкий, секущий осенний дождь. Завтра Елене предстояло с головой нырнуть в эту грязную, запутанную историю. И начать она твердо решила с бумаг, которые клятвенно обещал найти и принести Антон Волков. Где-то там, в этих сухих счетах, пыльных договорах и выписках, скрывалась та самая истина, за абсолютное право на которую Елена Крылова готова была драться до самого конца.

Встреча с Казанцевым

Офис строительной компании «Олимп» располагался в самом центре города, занимая два этажа недавно отреставрированного исторического здания. Елена Крылова переступила порог роскошного кабинета генерального директора, внутренне готовясь к тяжелому, вязкому разговору. Сергей Казанцев сидел за массивным дубовым столом. На стене позади него скалило клыки чучело огромной головы кабана — недвусмысленный намек на brutальные хобби хозяина.

Как и описывал Антон, времена малиновых пиджаков для этого человека безвозвратно ушли. На бизнесмене был строгий, безупречно скроенный итальянский костюм, белоснежная рубашка и скромный, но явно баснословно дорогой шелковый галстук. Однако тяжелый, немигающий взгляд хищника и резкие повадки человека, привыкшего решать любые проблемы силой и деньгами, никуда не исчезли.

— Елена Крылова? Наслышан, — Казанцев не встал навстречу, лишь небрежно кивнул на свободное кожаное кресло напротив своего стола. — Садитесь. Антон звонил, сказал, что вы взялись защищать его чокнутую мамашу. Дело ваше, конечно, деньги не пахнут, особенно у адвокатов. Но ко мне вы зачем пожаловали?

— Здравствуйте, Сергей, — Елена спокойно опустилась в кресло, положив свой неизменный потрепанный блокнот на край полированного стола. — Я пожаловала к вам за упрямыми фактами. Моя подзащитная категорически утверждает, что никого не убивала. А вот у вас, насколько мне известно из достоверных источников, был и железный мотив, и прекрасная возможность. Вы лично приезжали к Михаилу Волкову в его загородный дом в вечер убийства. И вы с ним крупно повздорили из-за денег.

Казанцев откинулся на спинку кресла и громко, раскатисто рассмеялся. В этом смехе не было ни капли веселья — только ледяная насмешка.

— Умная женщина вроде, бывший следователь, а вопросы задаете, как зеленый стажер из райотдела. Слушайте сюда, Крылова. Миша был моим деловым партнером. Да, мы ругались. Да, из-за нового торгового центра у нас были серьезные разногласия — он хотел тянуть резину с согласованиями, играть по правилам интеллигенции, а я привык работать быстро и жестко. Но убивать компаньона, когда на нем завязана половина банковских кредитов фирмы и все личные связи в мэрии? Я похож на клинического идиота, рубящего сук, на котором сидит?

— Убийства крайне редко планируются с холодным расчетом. Чаше они совершаются в состоянии внезапного аффекта, — невозмутимо парировала Елена. — Очередной конфликт, слово за слово, оскорбление, под руку вовремя попался тяжелый предмет...

— Исключено, — Казанцев резко перебил ее, с силой стукнув тяжелой ладонью по дубовой столешнице. Карандашница подпрыгнула. — Во-первых, я свои нервы контролирую идеально. А во-вторых, у меня есть алиби. Стопроцентное, железобетонное. Следователь ваш, Громов, уже все зубы об него обломал, бедолага. Я действительно приезжал к Мише вечером. Поорали друг на друга в кабинете минут двадцать, это чистая правда. Потом я плюнул, сел в машину и поехал в баню.

— В баню? — Елена недоверчиво приподняла бровь. Слишком банальное прикрытие.

— Именно так. В элитный закрытый комплекс на объездной. Там меня уже ждали трое очень уважаемых людей, чьи имена вам ни к чему, но следствию я их назвал. Мы парились, пили чай, обсуждали общие дела. Я зашел в холл комплекса ровно в восемь вечера и вышел к машине только во втором часу ночи. И знаете, что самое для вас обидное? Там везде, в каждом коридоре, кроме самой парной, понатыканы камеры видеонаблюдения. Управляющий уже по первому требованию отдал записи ментам. Я на этих пленках во всех ракурсах, с хронометражем. Так что, когда бедному Волкову проломили голову, я хлестал себя дубовым веником. Ищите другого бедолагу на эту роль.

Елена сделала медленную пометку в блокноте. Алиби с камерами наблюдения и серьезными, авторитетными свидетелями — это не пустые слова. Сломать такое будет практически невозможно, если только не доказать массовый сговор и подделку пленок, во что верилось с трудом.

— Допустим, — кивнула она, принимая новые правила игры. — Но камеры в загородном доме самого Волкова были почему-то отключены именно в этот вечер. Вы не знаете почему?

— Откуда мне знать, что творилось в его берлоге? Миша был жутко параноидальным в последнее время. Может, сам выключил систему. Ему было, что скрывать от своей драгоценной благоверной.

— Вы о чем конкретно?

Казанцев криво усмехнулся, подался вперед, опираясь на локти, и понизил голос, словно делиась сокровенной тайной.

— Вы, бывшие менты и нынешние адвокаты, вечно ищете какие-то многоходовочки, сложные схемы. А жизнь — штука примитивная. Вы на секретаршу его повнимательнее посмотрите. На Светлану.

— Светлана? — Елена мысленно порылась в обрывках информации, полученной от Антона. — Я полагала, она просто работает с документами и варит кофе.

— Она и работала. И не только с документами, — Казанцев сально усмехнулся. — У них с Мишей был самый классический, банальный служебный роман. Света — девочка из простых, молодая, очень хваткая, с огромными финансовыми амбициями. Думала, что ухватила бога за бороду, переспав с шефом. Только вот Миша в последнее время от нее смертельно устал. Она стала требовать большего. Я же видел, как они общались в офисе. Последние пару недель там буквально искры летели. Света ходила по коридорам с красными, заплаканными глазами, Миша дергался, срывался на всех подряд. У них было несколько очень крупных ссор, прямо за закрытыми дверями приемной. Уверен на сто процентов, что он ее бросил. Или собирался бросить со дня на день, указав на дверь.

Елена задумчиво покрутила шариковую ручку. Отвергнутая любовница — сильный, классический мотив. Женская месть часто бывает безжалостной.

— И у Светланы был свободный, беспрепятственный доступ в загородный дом?

— Еще какой! — громко хмыкнул бизнесмен. — Ирина же свою воображаемую корону не снимает, ей до грязных дел мужа дела никогда не было. Она только тратить умела. А Света моталась туда-сюда постоянно. Она готовила кипы документов для важных сделок, забирала папки на подпись, привозила обратно. Она знала там каждый угол, собака ее не трогала. И, между прочим, в тот самый злополучный вечер, когда убили Мишу, она тоже должна была заехать к нему за каким-то срочным договором. Уж не знаю, доехала или нет. Это вы у следствия спросите.

— Это очень полезная информация, — Елена захлопнула блокнот. — Почему вы не сказали об этом на допросе следователю?

— А зачем мне делать за них их работу? — искренне пожал широкими плечами Казанцев. — У них есть готовая подозреваемая — Ирина. Мне мое алиби подтвердили, меня со счетов скинули. А кто там кому в итоге голову проломил — брошенная амбициозная любовница или истеричная жена — мне абсолютно до лампочки. Главное, чтобы фирма осталась на плаву.

Елена вышла из помпезного офиса «Олимпа» со смешанными, тревожными чувствами. Октябрьский воздух казался особенно колючим и влажным после натопленного кабинета. Светлана. Новый, неожиданный игрок на этой криминальной шахматной доске. Если Казанцев говорит правду, то мотив у амбициозной секретарши ничуть не слабее, чем у законной жены Ирины. Ревность, жгучая обида, внезапное крушение всех надежд на сытую жизнь — это гремучая смесь, способная толкнуть на жестокое преступление кого угодно.

Она вернулась в свой скромный кабинет, когда за окном уже совсем стемнело. Привычный запах старой бумаги и пыли встретил ее, как старый, надежный друг. Елена только-только успела снять плащ и щелкнуть кнопкой электрического чайника, как на столе пронзительно зазвонил массивный телефонный аппарат.

— Адвокат Крылова слушает.

— Елена Николаевна? Добрый вечер, — голос в трубке был молодым, слегка суетливым. Елена мгновенно узнала его — это был помощник следователя Громова, молодой парнишка, с которым она пару раз нормально общалась в коридорах управления. — Это из следственного отдела. Я звоню вам... в общем, неофициально. Исключительно из уважения к вашему прошлому.

— Слушаю тебя очень внимательно, — Елена напряглась, интуитивно чувствуя, что хорошие новости так не начинаются.

— Мы буквально полчаса назад получили официальное предварительное заключение судмедэксперта. Установлено довольно точное время смерти Михаила Волкова. С двадцати двух ноль-ноль до полуночи.

— И что это кардинально меняет для следствия?

— Это значит, что алиби Казанцева подтвердилось на все сто процентов, — тяжело вздохнул помощник. — Мы досконально проверили все записи с камер в том банном комплексе. Он зашел туда без десяти восемь и не выходил до часу ночи. Он физически никак не мог быть на месте преступления в момент нанесения удара. Громов очень доволен.

— Чем он доволен? Тем, что с чистой совестью упустил настоящего убийцу?

— Тем, что у следствия изначально было только два реальных подозреваемых: деловой партнер и жена, — тихо, почти шепотом пояснил голос в трубке. — Теперь Казанцев отпадает окончательно. Остается только Ирина Волкова. Громов считает, что дело полностью раскрыто. Мотив железобетонный — предстоящий развод и нежелание делить имущество. Орудие на месте. Жена обнаружена над трупом, в его крови. Алиби у нее нет и быть не может. Завтра утром Громов собирается официально предъявить ей обвинение в умышленном убийстве и начать ускоренную процедуру передачи дела в суд. Он рвет и мечет, хочет закрыть его побыстрому, ему премию пообещали за оперативность.

— Понятно. Спасибо, что рискнул и предупредил, — Елена аккуратно положила трубку на рычаг.

Ситуация стремительно и страшно выходила из-под контроля. Следственная машина, неповоротливая, слепая и безжалостная, набрала максимальный ход и готовилась раздавить Ирину Волкову, как тяжелым асфальтовым катком. Алиби Казанцева окончательно сняло с него все подозрения, и теперь у Громова не было ни единой веской причины искать кого-то еще. Зачем напрягаться, если удобная, молчаливая жертва уже сидит в камере?

Елена медленно подошла к темному окну. В стекле отражался ее кабинет: старенький сломанный факс, неровные стопки кодексов, пар от закипевшего чайника. Времени на долгие раздумья больше не было. Завтра утром Ирина может стать официальной обвиняемой, и тогда вытащить ее из этой мясорубки будет в сто раз сложнее. Елене нужно было срочно найти Светлану и поговорить с ней. И ей как воздух нужны были те самые бумаги, которые обещал достать в загородном доме Антон. Грязные секреты убитого Михаила Волкова вот-вот похоронят его невиновную жену, и Елена ясно понимала — она единственная, кто сейчас мог остановить этот бездушный конвейер правосудия.

Светлана (Секретарша)

Спальный район встретил Елену Крылову серыми панельными многоэтажками, одинаковыми, как братья-близнецы, и пронизывающим октябрьским ветром, загоняющим мелкую холодную морось под воротник плаща. Адрес Светланы, секретарши убитого бизнесмена Михаила Волкова, нашелся в городском телефонном справочнике без особого труда. Никаких элитных жилых комплексов с вооруженной охраной и коваными шлагбаумами, о которых с таким презрением намекал Казанцев. Обычная кирпичная пятиэтажка на самой окраине города, исписанные хулиганами стены в темном подъезде и въевшийся запах жареной картошки с лестничной клетки.

Елена нажала заедающую кнопку звонка на обитой дешевым дерматином двери. За ней долго было подозрительно тихо. Наконец, послышались тяжелые шаркающие шаги, щелкнул старый замок, и дверь приоткрылась на длину короткой металлической цепочки.

В узкую щель выглянуло бледное, смертельно измученное женское лицо. Глаза покраснели и сильно опухли от долгих непрерывных слез, русые волосы были небрежно стянуты в растрепанный хвост на затылке. Никакого глянцевого лоска амбициозной хищницы, охотящейся за чужими миллионами, в ней не было и в помине.

— Вы из милиции? — голос Светланы был хриплым, надтреснутым. — Я же уже всё-всё подробно рассказала вашему следователю на допросе. Отстаньте от меня, пожалуйста, дайте мне просто пожить.

— Я не из милиции, Светлана, — мягко, но очень настойчиво произнесла Елена, вплотную приближаясь к двери и показывая свое красное адвокатское удостоверение. — Меня зовут Елена Крылова. Я официальный защитник Ирины Волковой. И мне жизненно необходимо с вами поговорить.

Светлана вздрогнула при упоминании имени законной жены своего начальника, в ее покрасневших глазах отчетливо мелькнул первобытный испуг.

— Мне совершенно не о чем с вами разговаривать. Ваша высокомерная клиентка всей душой ненавидела меня. Наверняка она меня и заказала вам, чтобы ловко свалить на меня всю вину. Уходите, я сейчас вызову наряд!

— Если бы я действительно хотела вас голословно обвинить, я бы пришла сюда не одна, а с ордером на обыск и оперативной группой захвата, — Елена посмотрела ей прямо в глаза, используя свой старый следственный прием. — Я точно знаю, что Ирина невиновна в этом убийстве. И я пришла сюда только для того, чтобы найти настоящего убийцу человека, которого, как мне искренне кажется, вы по-настоящему любили. Впустите меня. Пять минут вашего времени, не больше.

Девушка заколебалась, закусив губу. Слово «любили» словно пробило огромную брешь в ее наспех выстроенной обороне. Звякнула железная цепочка, дверь медленно, со скрипом открылась шире, пропуская гостью.

Квартира оказалась крошечной типовой «однушкой», обставленной очень бедно, но невероятно чисто и уютно. Никакой вызывающей, кричащей роскоши: старенький диван-книжка, громоздкая советская стенка из ДСП, на узком подоконнике — аккуратные керамические горшки с цветущей геранью. Елена своим натренированным взглядом моментально обратила внимание на детали, которые красноречивее любых громких слов говорили о постоянном присутствии взрослого мужчины в этом доме: большие кожаные домашние тапочки в прихожей, забытый на спинке кресла дорогой шелковый галстук, явно выбивающийся из общего пролетарского интерьера, а на столе стояла массивная, мужская кружка с недопитым вчерашним чаем.

Светлана плотнее запахнула на груди объемный вязаный кардиган, который был ей велик размера на три. Вероятно, эта вещь принадлежала убитому Михаилу.

— Проходите на кухню, — глухо сказала девушка. — Чай будете?

— Не откажусь, на улице сегодня промозгло, — Елена села на колченогий табурет у узкого окна. — Светлана, я не буду ходить вокруг да около и буду с вами предельно откровенна. Буквально час назад я встречалась с Сергеем Казанцевым.

При одном только упоминании этой знакомой фамилии девушка болезненно поморщилась, словно у нее разом заныли все зубы.

— И он, конечно же, в красках рассказал вам, какая я меркантильная, расчетливая стерва, — горько усмехнулась она, ставя перед Еленой надколотую чашку с дымящимся напитком. — Что я беззастенчиво тянула из Миши деньги, что нагло требовала купить мне отдельную квартиру и дорогую машину, а когда он меня якобы бросил, я прибежала к нему домой и в припадке жадности проломила ему голову. Так? Следователь мне вчера задавал точно такие же унижительные вопросы. И я знаю, что это с подачи этого мерзавца Казанцева.

— Вы очень точно описали его версию событий, — подтвердила Елена, делая глоток. — Казанцев твердо утверждает, что в последнее время у вас с Волковым были регулярные крупные скандалы на рабочем месте, и дело неминуемо шло к очень болезненному разрыву отношений.

Светлана тяжело опустилась на табурет напротив, обхватив свою чашку обеими дрожащими руками. По ее бледной щеке покатилась одинокая слеза.

— Казанцев всё врет, как дышит, — прошептала она, и в ее срывающемся голосе было столько неподдельной, живой боли, что даже закаленная годами тяжелых допросов Елена почувствовала укол сочувствия. — Да, мы ругались в офисе за закрытыми дверями. Но не из-за проклятых денег! Боже мой, да мне абсолютно плевать было на его миллионы, на его статус и на его строительные объекты! Я любила его, понимаете? Просто его, моего Мишу. А он настоящему любил меня.

Она прерывисто вздохнула, вытирая мокрое лицо длинным рукавом необъятного шерстяного кардигана.

— Миша был очень уставшим, выгоревшим человеком. Он своими руками построил эту огромную строительную империю, но она же его в итоге и сожрала изнутри. Жена Ирина дома пилила его за каждый недополученный, по ее мнению, рубль, постоянно требовала новых вливаний в свой имидж. Казанцев на работе жестко требовал использовать бандитские, серые схемы для выбивания лакомых контрактов в мэрии. Миша смертельно хотел всё это бросить. Понимаете? Он хотел легально уйти из грязного бизнеса, официально развестись с Ириной, откупиться, оставить ей эту чертову компанию и уехать со мной. Просто жить спокойно, где-нибудь в тишине.

— Из-за чего же тогда были эти бурные ссоры, о которых так уверенно говорит ваш Казанцев? — мягко спросила Елена, делая пометку в своем блокноте.

— Из-за его нерешительности, — Светлана стыдливо опустила глаза. — Миша всё тянул резину. Он панически боялся Казанцева, боялся, что тот просто так, живым, его не отпустит с его долей активов. Боялся жутких истерик Ирины, которая прямо грозилась уничтожить его репутацию, если он первый подаст на развод. А я... я просто невероятно устала прятаться по съемным углам и быть для всех вечной безотказной секретаршей. Я хотела нормальную, открытую семью. Из-за этого мы и ссорились в последнее время. Я плакала, умоляла его решиться на этот шаг, а он просил подождать еще немного. Казанцев слышал наши крики через дверь, но он судит всех исключительно по себе. Ему кажется, что скандалить в этой жизни можно только из-за бабок.

Елена внимательно, не перебивая, слушала девушку. Искренность Светланы была для нее абсолютно очевидной. Такие глубокие, надрывные эмоции невозможно подделать настолько

чисто, если только перед тобой не гениальная театральная актриса. А эта смертельно уставшая, заплаканная девушка из скромной хрущевки на актрису совершенно не тянула. У нее не было никакого меркантильного мотива. У нее не было ни единой причины убивать мужчину, с которым она отчаянно хотела построить тихую жизнь вдали от криминальных бизнес-разборок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.